

Александр ВАРГО

ТРОФИКИ

Людей тоже надо уметь готовить...

МУСТ. Черная книга 18+

Александр Варго

Трофики

«ЭКСМО»

2014

Варго А.

Трофики / А. Варго — «Эксмо», 2014 — (MYST. Черная книга 18+)

Компания молодых людей отправляется в экстремальное путешествие в тайгу, в заброшенную деревню староверов-хлыстов. Пункт назначения выбран не случайно: место считается нехорошим, проклятым. Недалеко от деревни когда-то располагалась секретная военная часть, где произошла техногенная катастрофа с выбросом огромной дозы радиации. Часть расформировали, жителей близлежащих деревень эвакуировали, а об инциденте забыли... И вспомнили только недавно, когда на территорию бывшей части забрела компания хиппи и исчезла без следа. Вот молодым экстремалам и захотелось узнать, что же произошло с теми хиппи... Жаль, не нашлось никого, кто бы их остановил и отговорил. Очень жаль...

© Варго А., 2014

© Эксмо, 2014

Александр Варго Трофики

«Возвращайся в город, глупая девчонка, нельзя тебе в Распады, никому туда нельзя, – рассверливал черепную коробку назойливый голос. – Поворачивай, пока не поздно, добром это дело не кончится, ты сама не ведаешь, что творишь...» Ульяна Крымова вертелась как на иголках, прекрасно осознавая, что спит, но никак не могла проснуться. Затыкала уши в этом странном сне, но голос был изнутри – не извне, твердил с монотонным скрипом, как заевшая пластинка: «Поворачивай, Ульяна, поворачивай, выходи на первой же остановке и друзей выводи, пока не зашло слишком далеко. Вы подписались на глупую авантюру, это чревато...»

Она обливалась потом, слюна застряла в горле. Видно, точку невозврата в своем сне Ульяна уже прошла. Поколебавшись, она шагнула вперед, и твердая почва под ногами начала превращаться в податливую зыбкую массу. Она провалилась в нее по горло! Зловонная жижа бурлила у самого рта. Вокруг нее причудливыми завихрениями клубился туман, из которого выбирались заскорузлые руки с изувеченными пальцами – и вместо того чтобы вытащить из болота, они только глубже утрамбовывали ее в трясину. Она физически чувствовала, как ее вдавливают в топь, ввертывают, словно шуруп. Уродливая рука, обезображенная трупными пятнами, забралась в жижу, оторвала с мясом пуговицу на штормовке, проникла под бюстгальтер. Ну, это, знаете ли, чересчур...

Она проснулась с ощущением ярко выраженного прикосновения. Никто не покушался на ее честь и достоинство – даже Олежка Брянцев, сидящий рядом. Он увлеченно гонял по планшету окровавленных хомячков и на подругу не смотрел. Она сидела у окна в вагоне электрички, в плечо упирался ребристый подоконник, вызывая сильный дискомфорт. За окном тащился бесконечный бетонный забор, исписанный «лучшими» образцами изящной словесности. Вот он оборвался, пейзаж раскрасило кладбище сельскохозяйственной техники. Проплыл закрытый шлагбаум, за которым выстроилась колонна автотехники. Электричка замедлялась – приближалась остановочная платформа. Сердце защемило, дышать стало трудно, – с чего бы это?

– Все в порядке, милая? Вчера ты выглядела лучше. – Олег усыпил свой гаджет, накрыл чехлом и привлек к себе Ульяну. Девушка невольно напряглась, но все было в порядке – прикосновение Олежки разительно отличалось от липкого прикосновения во сне. Капелька пота стекла по лбу Ульяны – перебралась на переносицу, застыла, как бы размышляя, стоит ли подчиняться закону всемирного тяготения.

– Да все хорошо, Олежка...

Она закрыла глаза и отстраненно слушала, как выходят люди, садятся новые, смыкаются двери, которые уже лет сорок чуть не в каждом вагоне «отрыгаются ароматически». Подкрадывалась дремота, когда вагон резко дернулся. Судорога ущипнула ногу, втиснутую между стеной и вагонным калорифером. Ульяна распахнула глаза. Мимо электропоезда проплывала крупная станция Сокурово северной пригородной ветки. Последняя декада июня не баловала комфортной погодой: температура не поднималась выше двадцати, по ночам падала до отметки «плюс десять». Небо затянули какие-то скомканные облака. Иногда прорывались осадки, но незначительные – земля, измученная сухой весной, впитывала их как губка. Убыстряясь, пробежала граница станции, товарные вагоны на запасных путях, потянулись равнинные ландшафты, разбавленные перелесками. Ульяна скосила глаза... и сердце вдруг екнуло. Напротив нее у того же окна сидел долговязый парень типичной деревенской наружности – небритый, с неприятно выпученными глазами – и с интересом ее рассматривал. Минуту назад его здесь не было – видимо, вошел в Сокурово.

– Куда ты пялишься, придурок? – среагировал Олег и с вызовом подался вперед. Ульяна схватила его за рукав. С Олежкой бывает – парень может завестись, когда посторонние уделяют внимание его девушке. Инцидент не разгорелся. Парень сглотнул, хотел что-то вымолвить – вероятно, неласковое, с целью чего даже залился краской, но как-то сдулся, отвернулся к окну. У Олежки тоже не было желания углублять конфликт. Он пренебрежительно фыркнул и крепче обнял Ульяну. Она повозилась, сменила позу и пристроила голову ему на плечо. Машинист разогнался – вагон качался, подпрыгивал на стыках рельсов. Суббота, начало восьмого утра, а электричка была забита, сидячих мест почти не оставалось. Просыпался легкий голод – она бы с удовольствием сейчас чего-нибудь съела. Олежка в шутку предложил перед сном – давай, мол, сейчас позавтракаем, а то утром будет некогда. Посмеялись, а ведь действительно оказалось некогда. Вскочили в шесть (еще и проспали на несколько минут), чертыхаясь, побежали на вокзал. В последнем вагоне, где условились встретиться с друзьями, уже былолюдно и шумно, кое-как нашлись два места. Через проход гримасничал, подмигивал и сиял как софит Генка Аракчеев – вертлявый, смешливый, с торчащими как радары ушами. В последний год, насколько в курсе была Ульяна, Генка сменил несколько мест работы – трудился и на заправке, и курьером, и разносчиком пиццы. Нигде не задерживался, летел с мест трудоустройства как фанера над Парижем. Но никогда не унывал, был полон остроумия и сарказма. Вот и сейчас он украдкой подмигивал Ульяне и выразительно поглядывал на насупленного Олежку – мол, как прошла ночь, не осталось ли недовольных? На Генку осуждающе поглядывала Алла Сотникова – лучшая подруга Ульяны, в меру симпатичная, белокурая, крепкая в кости, хотя и не полная. К Ульяне в этот час она демонстративно не рвалась – трудно соперничать с симпатичным парнем, уверенно обнимающим подругу. Алла трудилась дизайнером-надомником и в последний год стала какой-то ворчливой – то ей фирма не нравилась, в которую устроилась Ульяна, то парень, который за ней ухаживает, то что-нибудь еще. Зачем-то связалась с напыщенным Русланом Трушечкиным, которого раньше в грош не ставила. И в данный момент держала его за руку, делая вид, что слушает беседу Руслана с Семеном Райдером, сидящим напротив. У Руслана был собственный бизнес – он поставлял в салоны «немного» подержанные авто. Семен трудился в консалтинговой фирме и еще со школы слыл большим интеллектуалом и эрудитом – невысокий, полненький, с мясистым носом и всегда в очках, которые ежеминутно поправлял. Через проход доносились обрывки беседы. Райдер что-то доказывал Трушечкину, тот заносчиво фыркал, Алла украдкой подавляла зевету.

– Я тоже за прошлый год заработал сумму с шестью нулями, – хихикал Генка. – Сплошные нули – ни фиги, короче, не заработал. Всю жизнь не хватает на «Бентли» и кокаин, уже не знаю, что делать... Зато вольный как ветер, никаких обязательств, времени вагон...

– А дуракам и пьяницам везет, – грубовато парировал Руслан. – Остальным приходится работать.

– Ну, Мальви-ина Владимировна... – расстроено протянул Райдер. – Вы и здесь собачиться будете?

– А чего мне с ним собачиться? – хихикнул Генка, не имеющий привычки обижаться. – Дурак я в меру, пью не больше прочих. Держи, Руслаша, тебе передали, – и он, гаденько посмеиваясь, сунул Руслану под нос выставленный из кулака средний палец. Попутно объявил для непонятливых: – Средний палец – лидер на рынке мгновенных сообщений!

Рассмеялся незнакомый парень, сидящий рядом. Украдкой улыбнулась и уткнулась в электронную книгу дачница средних лет. Руслан вспыхнул, но и здесь конфликт не перетек в серьезное выяснение отношений. Алла, пряча ухмылку, погладила Руслана по руке. А Семен начал что-то ожесточенно шипеть разошедшемуся Генке. Отношения в коллективе бывших одноклассников складывались сложные, местами неровные и даже противоречивые. Руслан на дух не выносил Генку, считая его конченным балбесом и типичным неудачником. Генка не выносил Руслана, считая его зажавшимся спекулянтом, прохвостом и пиявкой на теле трудо-

вого народа. Оба, в сущности, были правы. Аллу Сотникову Генка тоже недолюбливал и при первой возможности старался уколоть. Особенно его возмутило, когда Алла связалась с Русланом, а Ульяна – с Олегом Брянцевым. Какое собачье дело было Генке до амуров одноклассников, история умалчивала. Четверо молодых людей за проходом продолжали бубнить и вяло переругиваться. В роли миротворца выступал Семен Райдер, и, похоже, с задачей справлялся.

– Не понимаю, почему мы должны гробить выходной день, – вздохнула Ульяна, прижимаясь к теплому плечу Олега. – Послушай, а нам точно нужно туда ехать? В безлюдную местность, к черту на рога, по неизвестной науке причине...

– А зачем спорили? – резонно возразил Олег. – Не знаю, как у тебя, а лично у меня нет лишних ста тысяч. Раньше надо было думать... и меньше пить. А в чем проблема, дорогая? – улыбнулся Олежка. – Развеемся, местечко, по ходу, прикольное – если Борька не наврал. Ты же не веришь в сверхъестественную чушь?

Ульяна забылась – и лучше бы не делала этого. Предыдущий сон был приятнее. Она тряслась в углу, сжавшись в комочек, ей было одиннадцать лет. Слезы хлестали из глаз, Ульяна умирала от страха. К ней с разъяренным лицом подступала родная мама. Щеки родительницы пылали от негодования, ноздри раздувались. Хлесткая затрещина – и голова девочки бьется о стену, она ощутила почти физическую боль. «Ты вымыла пол, паршивка, ты сделала то, о чем я тебя просила?» – шипела мама. У нее в этот день было неважное настроение – на работе, видимо, начальство разругалось или встала не с той ноги. «Мамочка, я мыла, не бей, – умоляла Ульяна. – Я сделала все, что ты просила... Мусор вынесла, Дуньку покормила, обед приготовила, Лешку из садика забрала...» – «Ты издеваешься надо мной?! – ревела мама и отвешивала ребенку оплеуху за оплеухой. – Что за мусор под столом?! Почему в теплице оставила свет?!» Девочка закрывалась руками, ревела взахлеб, а в соседней комнате, чувствуя, что дела в доме не очень, плакал младший брат Лешка... До шестого класса семья Крымовых жила в рабочем поселке под Томском – отец работал дальнобойщиком, дома почти не появлялся, мать трудилась в бухгалтерии местного щебеночного карьера. Жили на краю поселка в частном доме, держали кур, корову. Ульяна приходила домой из школы, быстро делала уроки и весь остаток дня возилась по хозяйству под неусыпным присмотром матери. Алешка тоже висел на ней – она любила братика больше, чем родители. Практически всегда Анна Егоровна была злой, а оттаивала лишь в редкие дни, когда приезжал отец – добрейшей души человек, обожающий свою семью. Он и понятия не имел, что в его отсутствие вытворяет жена. А Ульяна боялась об этом рассказать – да и понимала, что отец не поверит, а «репрессии» посыплются на ее голову со страшной силой. Не всегда ее мать была такой, возможно по-своему она любила Ульяну с Алешкой, семья считалась благополучной. Но эти регулярные вспышки ярости – от неустроенной кочевой жизни, от нехватки мужика в постели... Ульяне доставалось по первое число – несправедливо, «несимметрично». Будучи не в духе, мать лупила ее ремнем, бросала коленями на сухой горох и заставляла так стоять часами. Однажды влила ей в глаза какие-то едкие капли от насморка – мол, нечего закрывать глаза, когда с тобой разговаривают! – и силой оттягивала веки, не давая ребенку моргать. А потом ревела в полный голос, обнимая потрясенную дочь, клялась в любви к своему «солнышку», обещала, что никогда такого больше не повторится. А через несколько лет, когда семья переехала в город, случилась крупная неприятность. Был жуткий скандал, разрыв, дележка детей. Отец разлюбил жену, устал, нашел другую. Почему так случилось, никто не понял, по полочкам событие не раскладывали. Самое странное, что мама успокоилась буквально через месяц, стала превращаться в самую заурядную «среднестатистическую» мать. Временами Ульяна забывала, как она к ней относилась, но временами снились эти жуткие сны «про детство»...

Она очнулась, завертела глазами. Олежка перестал ее обнимать, баловался с планшетом. Покосился на нее, когда она дернулась, что-то пробормотал. Парень деревенской наружности, сидевший напротив, трансформировался в пожилую маленькую женщину – она ворчала под

нос и пристраивала Ульяне на кроссовки дачную тележку. Электричка отдалялась от сибирского мегаполиса. Пассажиры раскачивались в такт движению вагона. Кто-то дремал. В отсеке напротив продолжали переругиваться одноклассники.

– А я и не стыжусь, – напыщенно бубнил Руслан нахмуренному Райдеру. – Зарабатываю больше, чем у меня отнимают. И, между прочим, делаю это честно...

– Сравнительно честно, – поправил Семен.

– Одолжи? – встрепенулся Генка Аракчеев. – Позволишь в мой адрес небольшое финансовое вливание?

– Не одолжу, – огрызнулся Руслан. – Я и так плохо сплю.

– А что такое? – манерно забеспокоился Генка. – Тебе предложили налоговые каникулы? На пять лет с конфискацией? Сон не идет, Русланчик?

– О боже, удалите отсюда этого попугая... – взмолился Руслан. – Поверните ему кто-нибудь голову. До щелчка, блин...

Одноклассники хихикали, не позволяя конфликту шагнуть за грань. Помалкивала Алла – она нашла подходящую игрушку в смартфоне и предалась развлечению – даже зевать перестала. Временами она как будто о чем-то вспоминала, устремляла на подругу затуманенный взгляд. Ульяна улыбалась, пожимала плечами – украдкой, чтобы не видел Олег.

Спать не хотелось – хватит на сегодня. Что же касается той самой «сверхъестественной чуши»... Это была предельно глупая история. В ней не было ни логики, ни смысла. Встреча одноклассников в прошлом месяце – десять лет после окончания школы. «Неужели успели соскучиться?» – недоумевал Генка, однако на последние деньги купил себе новую рубашку и в числе первых побежал на встречу. Спиртное текло рекой. Было, в общем-то, душевно, хотя приехать на квартиру к Алле Сотниковой смогли лишь восемь человек. Алла была девятой. Разбросало людей за десятилетие. Кто-то жил в другом городе, кто-то – в другой стране. Гуляли практически до утра. Именно там Ульяна Крымова по-новому взглянула на Олежку Брянцева, который нравился ей в десятом классе, но не настолько, чтобы лечь с ним в постель. Имелся другой претендент – впрочем, с ним ничего не вышло, за исключением сцены ревности и сцены разрыва. Полгода назад Олежка вернулся в родной город, имея в жизненном багаже развод, службу в армии по контракту и устоявшееся мировоззрение. «А может, это судьба?» – думала Ульяна наутро, когда проснулась и обнаружила в своей постели мирно храпящего парня. Впрочем, на вечеринке она еще не знала, что в жизни предстоят перемены – даже под прицелом его удивленных глаз она ни о чем не подозревала. Алкоголь купили благородный, выпили много, но никого не развезло. Потанцевали, вспомнили школу. Помаялись дурью. Потом Борька Поплавский решил попугать людей – выключил свет и начал играть в привидение. Особым красавцем он по жизни не был – один лишь голый череп чего стоил. Отчасти он воплотил свои коварные планы в жизнь – женщины визжали. Потом устроили ему «темную» (при этом Верка Рогачева громко орала, что для удаления «эффекта красных глаз» ей достаточно одного удара), а Генка компетентно заявил, что все это фигня. Вот он на днях посмотрел молодежный ужастик... Генку обсмеяли всем дружно «спившимся» коллективом, после чего Борька Поплавский встрепенулся и объявил, что если народ не против, то он готов поделиться информацией об одном реально страшном местечке. Народ подумал и устами Генки объявил, что поскольку к разврату он пока не готов, то можно вспомнить детство и похихикать. А дальше пошла какая-то чушь из разряда молодежных ужасов. «Есть на севере хороший городок», – спел Борька и сразу же поправился, что это не городок, а всего лишь заброшенная деревня староверов-хлыстов, в которой много лет никто не живет, за исключением злобного духа. Руслан Трушечкин начал демонстративно зевать, но Борька не растерялся и продолжал повествование. Потихоньку люди замолкали, слушали. Всего четыреста верст от города в северном направлении. Глушь, необитаемые территории Северного района области. Электричкой можно доехать до Черемшаников, а дальше разбитая грунтовка – на многие версты. Через Северск, Каргалак, Улымжарово – если

первые два поселения еще имеют опосредованное отношение к цивилизации, то последний – дремучая глушь и посконная отечественная тоска. Последний оплот цивилизации – деревушка Броды, в ней еще немного теплится жизнь. Аргучинский бор, Щучье озеро, вымерший поселок староверов Распады, о котором, собственно, и идет речь. Поселок расположен в причудливом одноименном урочище, опоясан болотами и скалистой грядой... «В Интернете прочитал?» – с умным видом перебил Семен Райдер. «Поищи, – хмыкнул Борька и выстрелил пальцем в ноутбук на столе, к которому за вечер никто не прикоснулся. – Держу пари, не найдешь ни слова по нашей теме. Но инфа достоверная, сто процентов. Об этом знают только избранные, понял?» – и Борька хищно оскалился. А Ульяна в эту минуту поймала себя на мысли, что этот желтозубый оскал ей ни капли не нравится. В общем, над районом витает мистическая аура, от которой у людей волосы дыбом и начинается бурное потоотделение. В поселке Распады до тридцатых годов прошлого столетия была большая община хлыстов – так называемый «корабль» во главе со своим «кормщиком», причем хлыстов самого жутковатого толка – с жестокими наказаниями за провинность, с регулярными жертвоприношениями и тому подобными приятными вещами. Рота НКВД в 38-м под корень извела рассадник коллективного отшельничества – и, в общем-то, правильно сделала. Большинство членов общины расстреляли, оставшихся отправили на Колыму, где они благополучно и сгнили. Каратели ушли, и больше с тех пор в поселке никто не жил. Но в шестидесятых годах двадцатого столетия местность неподалеку от урочища облюбовало Министерство обороны и воздвигло там секретный объект, имеющий отношение к пресловутому 13-му Управлению. Разработка, сборка ядерных боеприпасов и все сопутствующие удовольствия. Поставили казармы, пробили сквозь тайгу узкоколейку до Каргалака, обустроили «секретную территорию», большая часть которой располагалась под землей. Военская часть была многочисленной. Для связи с Большой землей использовались упомянутая узкоколейка и вертолеты, для которых построили специальную площадку. Подобных объектов в бывшем СССР было не счесть, и секретили их со всем умением (от собственных граждан). В 74-м, если верить заявлениям Борьки, на секретном объекте случился выброс радиации. Многие военнослужащие погибли от лучевой болезни, другие скончались спустя какое-то время. Очаг поражения удалось локализовать – благодаря причудливой розе ветров радиация к цивилизации не пошла, хотя несколько ближайших деревень пришлось эвакуировать. Информации о местном «Чернобыле» практически нет. Прошло сорок лет, попавшие в зону поражения давно мертвы, секретный объект, в котором по чьей-то халатности произошло ЧП, завалили землей и забетонировали. Часть ликвидировали, выживших развезли по госпиталям и прочим «лепрозориям». Старожилов, способных поведать миру о страшной истории, на свете не осталось. На резонный вопрос, откуда тогда об этом известно Борьке, тот сделал загадочное лицо и сказал: «А вот». Мол, имеются источники, о которых не стоит упоминать. Так вот, с тех пор над урочищем, где расположена деревня Распады, и бывшей секретной частью висит жутковатая аура. Жители окрестных деревень в аномальную зону не суются и другим не советуют. Радиации в тех краях давно нет, ушла в землю. Но весь район опутан атмосферой страха, которая съедает любого, кто там появляется. Угрюмая, но живописная природа, остатки бывшей деревни. Имеется озеро, над которым ежедневно поднимается и расползается по округе странный туман. Находиться в той местности невозможно – иррациональный страх съедает с потрохами, и хочется быстрее оттуда бежать. Не так давно в упомянутую местность забрела группа охотников. История умалчивает о том, что с ними приключилось, но выбраться из кошмара удалось лишь одному, остальные бесследно сгинули. Парня подобрал местный автолюбитель – абсолютно невменяемый, тот брел по грунтовке, а когда его привезли в психушку, нес пургу про сверхъестественные силы, про мистический туман, из которого тянутся заскорюзлые клешни...

«Бред на бреде сидит и бредом погоняет, – компетентно заявил Артем Становой, гражданский муж Верки Рогачевой (только они из всего класса сохранили и развили свои отно-

шения). – Люди, вы чего притихли? Детский сад с барабаном. Рогачева, ты чего в рот воды набрала?»

«А что сразу «Рогачева»? – возмутилась Верка. – Я же не дура суеверная. Просто представила на минуточку...»

«Конечно бред, – поддержал Артема Райдер. – Во-первых, непонятно, почему в наше время тотальных информационных технологий об этом ничего не известно. Во-вторых, история с охотниками – это полная залипуха. Информация об исчезновении людей непременно бы просочилась. Уголовное дело, розыск, все дела. Но что-то не припомню такого в новостях».

А дальше Ульяна помнила плохо. В какой-то миг она обнаружила, что на нее большими глазами взирает Олежка Брянцев (потом признался, что за отчетный десятилетний период смуглая пигалица невиданно похорошела). В желудке образовался вакуум, в горле пересохло, поэтому события, не имеющие отношения к визуальному контакту, плохо отложились в голове. Руслан фыркнул, что не боится сверхъестественных явлений, он современный человек, чего и остальным желает. Что может быть страшного в заброшенной деревне? Вот если бы там орудовала банда живодеров, тогда другое дело. Или группа беглых эзков, чеченцев, бандеровцев, сбежавших из зоопарка голодных леопардов. Но мы же говорим не про реальную опасность, а про мистику, аномальщину, не имеющую под собой материальной подоплеки? Семен пытался умничать про магнитные поля, отрицательную энергетiku, способную вызвать страх, но его даже слушать не стали. «Это вы сейчас такие храбрые, – смеялся Борька. – А слабо денек посидеть во всем этом?» Его подняли на смех. Руслан, подогретый спиртным, заявил, что, даже если будет страшно, он выдержит целый день. Но почему там будет страшно? Он же современный человек! Готов поспорить хоть на десять тысяч рублей! Ну, разумеется, при условии, что речь идет об опасности не материального плана! «А на сто тысяч слабо?» – выдвинул встречное предложение Борька. «Да не слабо! – взметнулся Руслан. – Сто так сто!» Тут все заговорили, стали перебивать друг друга – пусть у них и нет ста тысяч рублей, но они бы тоже поспорили, а в случае проигрыша непременно нашли бы эти деньги! Сколько часов нужно просидеть в заброшенной деревеньке – час, два, десять? Да хоть сейчас – о чем мы вообще спорим? «Люди, уймись, – пытался образумить горячие головы здравомыслящий Райдер. – С кем спорить собрались? С Борькой, что ли? Он что, отдаст проспоренные сто тысяч рублей?» Борька смеялся – он был доволен, что смог завести толпу на пустом месте. «Друг с другом можно поспорить, – нарушила «обет молчания» Алла Сотникова. – Скажем, так. Выбираем день, когда всем удобно, собираемся тем же коллективом и дуем. Мяса наберем, пива, заодно и пикничок зафигачим». Мысль о пикничке показалась привлекательной. Посыпались предложения – скажем, в конце июня, на выходной. Выехать пораньше, к обеду быть на месте, пять часов оттянуться на природе – и к ночи на воскресенье вернуться домой. А Борька потом пусть утрется. И никому не отступать, все пообещали – иначе будет дружное «фи» и запахло на всю оставшуюся жизнь!

«Люди, я не против, – отбивался Райдер. – Но объясните, как мы попадем в эту горедеревеньку? Не по навигатору же туда ехать?»

«Конечно по навигатору, – удивился Борька. – Не поверишь, Семен, но техника шагнула очень далеко, пока ты сидел в библиотеке, – и добавил под хохот одноклассников: – Прокладывается маршрут, в коробочку навигатора забирается специальная тетенька и через каждые двести метров оповещает, куда ехать».

«Подождите, – вдруг забеспокоилась Алла. – А если действительно будет страшно? Что мы, городские дети, знаем об аномальных зонах, куда сорок лет не ступала нога человека?»

«Будет страшно – уйдем, – заверил Артем Становой. – Но только все вместе, а никак не поодиночке. Уйдет один, а все останутся – будет должен им сто тысяч «деревянных». Уйдут все, а один останется – будут должны ему по сто «косарей». Справедливо?»

«А я у нас буду генеральным партнером, – засмеялась Рогачева. – А Артем – официальным спонсором. У него микроавтобус есть. На бензин все сбрасываемся. Вы семеро добира-

етесь из города на электричке до Черемшаников. Мы с Артемом подберем вас. Нам проще подождать вас в Черемшаниках, чем тащиться из Садового, где мы снимаем коттедж, за вами в город и всех вас подбирать. Не маленькие, сами доедете».

«Я тоже сяду в Черемшаниках, – встрепнулся Борька Поплавский. – Мне из «Комфортного» гораздо ближе». И не преминул похвастаться (в четвертый раз), что приобрел за городом студию в таун-хаусе (за которую ему теперь рассчитываться лет десять) – и, так и быть, доедет до Черемшаников на такси.

Вечер закончился под утро. «Отличный план, господа одноклассники, – объявил под занавес Олег. – Надо подумать, как воплотить его в жизнь и не умереть от смеха». Рогачева стонала, что уже не может выносить эту бесовщину, ей надо срочно выйти на улицу и увидеть свою тень. Все происходившее в тот вечер, в принципе, забылось. Поболтали, пьяный треп, без всяких обязательств. Наутро Ульяна обнаружила в своей постели Олежку Брянцева, который тоже проснулся и смотрел на нее с подозрительной любовью. Решительно пропало желание прогнать этого парня. «Живи уж, бродяга, – разрешила через день Ульяна, погладив его по зардевшейся щеке. – А твою комнату в Родниках мы будем сдавать внаем, чтобы свести концы с концами». Оба, в принципе, неплохо зарабатывали. Олег успешно осваивал логистику в транспортно-экспедиционной фирме. Ульяна протирала юбку в отделе работы с физлицами не очень преуспевающего банка. Мама умерла в позапрошлом году. Отец и брат жили в Иркутске, общались по скайпу. Осталась небольшая квартира в центре, в которой тоскливыми вечерами Ульяна ждала своего принца. На роль последнего в первом приближении Олежка вытягивал. Ульяна решила присмотреться, не давать ему слишком широких «полномочий». Через неделю она встретилась в кафе с Аллой Сотниковой. Подруга смотрела на нее огромными глазами и не могла поверить, что та променяла ее на какого-то парня. «Ты и Брянцев... – с затаенными нотками зависти бурчала Алла, давась мартини. – Невероятно, уму непостижимо... Ты уверена, что хочешь связать свою жизнь с этим...?»

«Имеется информация, порочащая его достоинство?» – напряглась Ульяна. Алла ухмыльнулась: «Расслабься, все в порядке, не владею я такой информацией». И тут же со смехом начала рассказывать, как после памятной встречи к ней начал подбивать клинья Руслан Трушечкин. Этого трусоватого, надменного, самонадеянного парня одноклассники не любили – ни сейчас, ни в школе. «Представляешь, предлагает встречаться, – открыла страшную тайну Алла. – А мне оно надо?» И вдруг задумалась, а потом неуверенно изрекла, что, в принципе, подумает. Во-первых, у Руслана есть деньги, а у нее нет, во-вторых, он не совсем пропащий парень, в-третьих, ей так паршиво после разрыва с последним бойфрендом...

А потом сработало «оповещение». В тяжелый предрассветный час позвонил Борька Поплавский и, ехидно посмеиваясь, пропел: «Двадцать второго июня, ровно в четыре часа...» Его послали по конкретному адресу, но Борька не обиделся, сообщил, что обзванивает всех, позиция у народа единодушная, но ему плевать. И вообще, кто ходит в гости по утрам, тот видит много страшных женщин. Забыли о пари? Собирайтесь, в субботу едем. Сами виноваты. Выбора не оставили – вся компания дала согласие. В оставшиеся сутки Ульяна с Олегом общались весь Интернет сверху донизу, но так и не нашли упоминаний о местности в Северном районе с названием Распады и военной части с пресловутым выбросом радиации. Если все это реально, то почему об этом знает Борька? Разыгрывает? Готовит эффектную провокацию? Но Борька Поплавский, в принципе, был нормальным человеком – пошутить любил, но со здравым смыслом никогда не расставался...

– Пошли, наша остановка, – потряс Олег Ульяну. Она открыла глаза. Опять уснула. Опять эти голоса... Когда же ты наконец выспишься?! Засуетилась, подхватила сумку. Электричка замедлялась, приближаясь к остановочной платформе. Молодые люди в штормовках, походных куртках, навьюченные так, словно в горы собрались на неделю, устремились к тамбуру.

Все шестеро прогрохотали по проходу, оттаптывая ноги зазевавшимся пассажирам, ввалились в узкую клетушку. Генка Аракчеев не устоял перед соблазном: когда распахнулись двери на перрон, всунулся обратно в вагон и проорал во все воронье горло:

– Братва, атас, контролеры!!!

И бросился, расталкивая товарищей, прочь из электрички, пока испуганные безбилетники не прибежали бить ему морду. Ругаясь, смеясь, молодые люди вываливались на перрон. Электричка ушла, осталась высокая платформа с выщербленным бетонным покрытием. Поблизости не оказалось ни переездов, ни виадуков. До ближайшего моста предстояло пилить метров триста. В нарушение всех правил молодые люди стали спрыгивать на пути, поддерживая женщин. Олежка костерил того, кто догадался назначить встречу в последнем вагоне. Генка деликатно помалкивал, поскольку именно он это и сделал. Радостной встречи с транспортной полицией удалось избежать – в захолустье ее просто не водится. Все шестеро перебежали через пути, вновь карабкались на перрон – теперь уже с обратной стороны.

– Лезем как на нефтяную платформу, блин... – отдувался Райдер. И жутко занервничал, стал хватать товарищей за выступающие места, когда донесся встревоженный рев подходящего состава. Все успели забраться на платформу, побежали к пролomu в ограде под осуждающими взорами пассажиров на перроне – мимо станции пронесся грохочущий товарняк. Всплеск адреналина после долгой поездки был нелишним. Ругая Генку, который не мог взять в толк, в чем его вина, одноклассники протащились через запущенный сквер, унылую привокзальную площадь, где старушки продавали лук и чеснок.

– Начинается ощущение глухой провинции, – бормотал Семен, опасливо озирая странно одетых аборигенов, киоски, забитые досками, кучку пыльных «ПАЗов», жмущихся друг к другу. Вокзал располагался на окраине Черемшаников – депрессивного рабочего поселка с градообразующим, но обанкротившимся цементным заводом. За углом шербатой улочки, окруженной домами с ободранной штукатуркой, поселок обрывался, начинался лес. Грунтовая дорога пропадала в зарослях лещины. У ободранной трансформаторной будки (явно памятника былой электрификации) с распахнутыми дверями стоял черный как сажа японский микроавтобус. По обочине деловито расхаживала Верка Рогачева – длинноногая эффектная особа с собранными в пучок волосами. Выглядела она донельзя вызывающе – короткая глянцева куртка с перламутровыми вставками, элегантные сапожки выше колен. Она прижимала к уху телефон, скрипела зубами от злости – не хватало стека в свободной руке, которым бы она постукивала по голенищу.

– Кусок кретина... – цедила Рогачева сквозь зубы. – Как же ты меня достал... Ну где ты, придурок, возьми же трубку... Ой, любимый... – замурлыкала она, расплываясь в медоточивой улыбке, и стала яростно жестикулировать подходящим одноклассникам, чтобы не орали. – Ты где?... Ну давай быстрее... Ах, родной мой, ты в местном борделе зависишь?.. Даже не знаю, что тебе сказать... И чего пялимся? – Она отключила телефон, уперла руки в бока и мрачно уставилась на скабрено хмыкающего Генку. – Я похожа на женщину, стоящую на трассе? – и проводила глазами старенький дребезжащий грузовик с проржавевшими бортами – он протарахтел мимо, окутав компанию облаком пыли. Дождя в этой местности не было, похоже, давно. – Нарисовались, гости дорогие, – сказала Рогачева. – Долго вас ждать придется. Вы что, электричку сами толкали?

Последовали дежурные обнимания, поцелуи в щечку. Забрасывали вещи в машину. На самом интересном месте, когда Генка Аракчеев пытался облобызывать слюнявыми губами Рогачеву, а та визжала и брыкалась, из-за поворота вывернул привлекательный статный парень с короткой стрижкой и горбинкой на носу. Он обнимал тряпичный пакет, который многозначительно позвякивал.

– А ну, не трожь мою женщину! – с деланным возмущением вскричал Артем Становой, ускоряя шаг. Но Генка все же сделал свое черное дело – облобызал Рогачеву так, что она покрылась багровыми пятнами, и с сатанинским хохотом стал спасаться бегством от Артема.

– Детский сад какой-то, – пробормотала Алла и смерила подругу сочувствующим взглядом. – Ты в порядке, Ульяна? Вид у тебя – словно не на пикник едешь, а утром после него проснулась.

– Не знаю, – вздохнула Ульяна, пожимая плечами. – Настроение ниже плинтуса, сама не понимаю, что со мной... Сны дурацкие снились, и вообще не хочу никуда ехать...

– Ты поверила в эту паранормальную чушь? – Алла удивленно подняла брови и украдкой покосилась по сторонам. Олежка Брянцев курил, обсуждая с Артемом «необходимость» и «достаточность» двенадцати бутылок пива – отнюдь не премиум-сортов, – приобретенных в провинциальном магазине «за углом». Руслан и Семен Райдер мусолили очередную животрепещущую тему из области ведения малого бизнеса. Рогачева переругивалась с Генкой – причем последний получал от этого кайф. – Ну, ты даешь, подруга, – Алла укоризненно покачала головой. – Расслабься, все фигня, мы просто едем на пикник. Как у тебя дела с ним? – она понизила голос и кивнула на Олежку, старательно затаптывающего окурки.

– Нормально, – Ульяна сделала неопределенный жест. – Не сказать, что жизнь играет и искрит, но... нормально. Некогда нам, подруга, особо искрить, – вздохнула девушка. – Работаем целыми днями, вечером еле доползаем до дома. И Олежка оказался домоседом... А у тебя с ним как? – кивнула Ульяна на Руслана.

Алла прыснула:

– Чувством юмора обзавелась. Стараюсь не рассмеяться, когда с ним под руку иду.

– И чем он хорош? – не поняла Ульяна.

– Отличный вопрос, – согласилась Алла. – Когда-нибудь на досуге я непременно его обдумаю. Ну, не знаю, подруга... – такое впечатление, что Алла начала расстраиваться. – Вроде и не нужен он мне, а вот не знаю... Чувствую, что не нужен, а выбросить жалко. А ты знаешь, что он иногда может быть забавным? – Алла стушевалась окончательно.

– Кого ждем? – встрепенулся Семен Райдер.

– Меня... – прокряхтели со стороны поворота, и на дороге появился последний участник увеселительной поездки – кряжистый, приземистый, с крупной, наголо выбритой головой. Борька Поплавский улыбался вкрадчивой улыбочкой авгура и размеренно приближался. За спиной покачивался здоровый рюкзак, в котором что-то брякало. Волосы Борька Поплавский начал терять еще в школе – возможно, к текущему моменту на голове еще что-то сохранилось, но он предпочитал не позориться и все сбрасывал. Отсутствие растительности на макушке компенсировалось ее избытком под носом. Борька выглядел старше своего возраста лет на пятнадцать и напоминал неухоженного кота.

– Всем привет, – объявил Борька, стряхивая рюкзак и перегружая его в салон. – Ну и тяжесть, итить ее...

– Что у тебя там? – с ужасом спросила Рогачева.

– Коптильня, – не без гордости сообщил Борька. – Последний писк. Будем рыбку коптить – такой деликатес, что пальчики оближешь. И другие необходимые в быту предметы, – небрежно махнул он подбородком на рюкзак. – Жена кое-что собрала – французский коньячок, якутская рыбка...

– У тебя есть жена? – не понял Генка.

– Иногда бывает, – немного смутился Поплавский. – Ну, не то чтобы жена... Но так, есть там одна – на моей новой ипотечной жилплощади.

– Ну все, поехали, – заволновался Артем, проигнорировавший «жену», но уловивший про «коньячок и рыбку». – Рогачева, за руль, твоя очередь воевать с бездорожьем!

– А чего это сразу «Рогачева»? – возмутилась его гражданская супруга. – Я вам, между прочим, не нанималась! Сами коньячок будете кушать, деликатесы разные трескать...

– Разговорчики в строю, – нахмурился Артем. Подал знак остальным, и народ невпопад, но с энтузиазмом завопил:

– Рогачева, за руль!!!

Она опять сидела у окна, в хвосте салона – вся отрешенная, заторможенная. Олечка отодвинулся, пил пиво с мужиками. Особо не налегали, но и не тянули аристократическими дозами. Алла первое время пыталась расшевелить подругу, но потом отчаялась, перебралась на переднее сиденье к Рогачевой. Управляться с громоздким микроавтобусом последней было не в диковинку – на пару с Артемом они держали магазинчик с запчастями для подержанных иномарок и колесить по области приходилось часто. Странное чувство охватывало Ульяну. Чем дальше компания отдалялась от города, тем беспокойнее становилось у нее на душе. Как сказал бы грамотный Райдер: возникает чувство тревоги – длительный слабовыраженный диффузный страх. Сон отрезало, с нарастающим беспокойством она смотрела, как меняются пейзажи за окном. Дорога до Северска была не очень убитой, ухабы имели «обтекаемый» вид. Попадались участки, засыпанные щебенкой, – на них зубы пассажиров выбивали мелкое тремоло, и это сразу становилось предметом острот. Леса в этой местности произрастали в основном хвойные, хороводы елочек мелькали вдоль обочин. Дорога погружалась в бор, выныривала на поляны, заросшие клевером и медуницей. Попадались встречные машины. На выезде из черничного бора Рогачевой вздумалось обогнать ползущий «жигуленок», она с усердием вывернула руль, и машина чуть не развалилась, нырнув в кювет на встречной полосе. Покатилась пивная бутылка, расплескивая содержимое.

– Ну, Мальви-ина Владимировна... – жалобно заныл Семен, едва не расставшийся с челюстью.

– Рогачева, твою дивизию! – разбушевался Артем. – Какая падла тебя ездить учила?!

– Ты, дорогой, – отрезала Рогачева, включая благоразумие и плавно выезжая из водостока. – И вообще заткнись, а то никуда не поедем.

– Будем снисходительны к бабам за рулем, – миролюбиво предложил Генка. – Не стоит их злить, а то они же нас и похоронят... Вот за это и предлагаю поднять наш следующий гост...

В очертаниях поселка «деревенского типа» Северск еще просматривалось что-то от цивилизации. Там имелся даже сквер и флаг над сельсоветом – хорошо, хоть не череп с костями.

– Точно заправляться не надо? – спросила Рогачева, проезжая мимо подозрительной АЗС, похожей на самодельный нефтяной заводик.

– Ты меня убиваешь, дорогая, – сокрушенно вздохнул Артем. – Мы полтора часа назад заправили полный бак у супермаркета «Сибирячка». Ты должна это помнить – не расстраивай меня окончательно.

– Ну забыла, подумаешь, – фыркнула Рогачева и взорвалась: – Я что, обязана все подробности нашего бытия держать в голове?!

Люди смеялись, им было весело, пустые пивные бутылки вылетали из окон, как тепловые ловушки из летящего самолета. В какой-то миг Ульяна решила, что хватит на сегодня хандры, приняла протянутую ей емкость с «Туборгом» и примкнула к компании. Обсмеяли навигатор, в котором действительно сидела «тетенька» и с сексуальным придыханием как-то неуверенно давала рекомендации.

– Мы первые, кто спросил у нее про этот маршрут, – хихикал Борька. – Вот и растерялась. Ничего, народ, четверть пути от Черемшаников уже проехали.

– Только четверть! – схватился за голову Руслан. – Борька, ты куда нас сблатовал? Полагаешь, что после этих издевательств я буду способен чего-то бояться? Да я же усну, когда приедем!

– Может, скоротаем дальнюю дорогу при помощи подручного средства? – как-то с прицелом подмигнул Генка и выудил из сумки бутылку заурядной водки. Заворчали Алла с Ульяной, решительно возражающие против обретения прогулкой признаков пьянки. Рогачева, глянув в зеркало, выплюнула слово, подозрительно смахивающее на нецензурное.

– Не, нам, боярам, не понять, – заявил Олег, извлекая из своего баула лимон и прозрачную, как слеза, текилу. Он виновато покосился на Ульяну (подобный демарш совместным бюджетом не рассматривался) и оскалился в лицо смутившемуся Генке: – Уж сколько раз твердили миру, Генка, – никогда не пей на пустой бумажник. Кстати, ты уже придумал, кем хочешь стать, когда выпьешь?

Все смеялись, и Генка, подумав, присоединился к ним. Текила быстро разбежалась по кругу, неплохо улеглась на выпитое пиво и особого ущерба не причинила. Градус веселья повышался. Волевым решением было принято – больше не пьем. А подозрительный напиток, дискредитирующий благородное слово «водка», у Генки надо изъять и выбросить за борт. Пусть местные лешие отдохнут. Борька порывался рассказать очередную страшилку из жизни домашних и малолетних деревенских обитателей (историю «достоверную» на сто процентов), но его не слушали, заглушили, «забанили» – не самое подходящее время и обстановка для страшилок.

– Давайте о сексе, – предложил Артем. – Самая ходовая тема. Рогачева, ты возьмешь мою фамилию, когда выйдешь за меня замуж?

– К черту твою фамилию, – проворчала Верка, яростно вертя баранку.

– А ты обе возьми, – предложил Олег. – Будешь Рогачева-Становая. Обалдеть. Вот разведешься с Артемом – с такой фамилией никогда не пропадешь.

– Не разведется, – самоуверенно осклабился Артем. – Знаете, какая она в постели? Умница, мастерица – высшие оценки за технику, артистичность, исполнение. Вот бы жрать еще так научилась готовить.

– Он меня использует! – вознегодовала Рогачева. – Я всегда знала, что он меня использует! Он подлец! С кем я живу?!

– Ну использую, – начал подмигивать собравшимся Артем. – А как такую королеву можно не использовать? Но признайся, Рогачева, когда ты в последний раз вставала с кровати с чувством легкой неудовлетворенности?

– Всегда! – захохотала Рогачева.

– Это ложь! – возмутился Артем. – Хотя кто ее знает... – он задумался. – Знаете, мужики, в следующем месяце нужно метнуться по делам в столицу. Вот подумываю, не подарить ли Рогачевой на день рождения пояс верности? Кто-нибудь знает, где его можно приобрести? Самый модный, от ведущих брендов, со стразами Сваровски...

– Ну все, понеслось, – грустно подытожил Генка. – По парам все разбрелись. Каждой твари по паре, блин... Только мы тут, мужики, одни, – и он шутливо приобнял скалящихся Семена и Борьку.

– Значит, мы не твари? – задумался Семен.

Ульяна с Аллой тоже возмутились – почему мы с вами должны говорить о сексе? Равнинная местность между тем закончилась, за окном потянулись пологие холмы, заросшие чахлым кустарником. В седловинах зеленели осинники. В разрывах облаков иногда просматривалось небо, но подобные явления были редки, облака неслись сплошным потоком, хотя осадков пока не проливали. Усилился ветер – теребил кусты на обочинах, гнал клубы пыли. Пейзажи за окном уже не отличались жизнерадостностью.

– Что вы хотите, – со вздохом описал текущую ситуацию Семен. – Северный район не самое туристическое местечко в нашей области. Я удивляюсь, почему тут кое-где живут люди. Им больше делать нечего?

Разговоры постепенно сходили на нет. Люди трезвели, задумчиво смотрели на пробегающие за окном мрачнеющие ландшафты. Минут через пятнадцать въехали в Каргалак – неболь-

шую опрятную деревеньку. Центральный квартал в ней даже был заасфальтирован. Бабушки на обочинах продавали картошку, грустно смотрели вслед несущемуся минивэну. Снова замаячила АЗС на выезде из поселка – относительно цивилизованная, с заправочными колонками, с пристроенным к АЗС магазинчиком.

– Не знаю, что и где мы заправляли, – снова забурчала Рогачева, – но стрелка вот на этой фигне оповещает, что полбака мы уже скушали. Ничего не собираюсь этим сказать, мужчинам виднее, они всегда во всем правы...

– О боже, даруй мне терпения с этим прекраснейшим из полов! – взмолился Артем под сдавленные смешки товарищей. – Слушай, Рогачева, делай что хочешь. Если считаешь, что нужно заправляться, – заправляйся. Если не считаешь – чеши дальше по дороге. Но не забывай, что на подобных заправках продают исключительно ослиную мочу, а эту несчастную машину в текущем году я уже ремонтировал.

Рогачева свернула на АЗС, где заправлялся доисторический «Москвич» с досками на крыше, а в стороне обреталась еще парочка образцов автотранспорта, достойных вечной памяти. Фыркая, как породистая кобылка, Рогачева спрыгнула на землю и, задрав нос, прошествовала к кассе. Остальные тоже высыпали из машины размять кости. Ничего интересного в округе не происходило. «Москвич» уже заправился, удалялся на дорогу в клубах гари. Олежа не смотрел на Ульяну, увлекся беседой с Семеном – начал объяснять ухмыляющемуся очкарику, чем логистика отличается от логики. Алла хотела подойти к подруге, но Руслан, скорчив физиономию собственника, схватил ее за руку. Ульяна почувствовала себя покинутой и одинокой. Процесс затягивался – Рогачева колотилась в окошко кассы и возмущалась, почему никто не рвется обслужить столь ответственную делегацию. И правда ли, что в этой глуши продают исключительно ослиную мочу? Ульяна, поколебавшись, направилась к магазину, поднялась на крыльцо...

И вдруг похолодела. Нехорошо как-то стало. Из магазина вышел долговязый увалень с выпуклыми глазами – он держал под мышкой свернутый пакет с покупками. Этот парень недолгое время сидел напротив в электричке и тарашился на нее, как на древнего мамонта, пока Олег на него не шикнул. Куда он потом делся – пересел? Типичный представитель данной местности – рыхлый, нескладный, преждевременно лысеющий. Они едва не столкнулись. Парень тоже ее узнал – набычился, уставился не мигая. Шарахаться было поздно, да и глупо как-то. Собравшись с духом, Ульяна посторонилась. Парень тоже поколебался, проследовал мимо, поворачивая голову по ходу движения и не спуская с нее глаз. Потом отвернулся и зашагал, уже не оглядываясь, к притулившемуся за цистерной «УАЗу». В машине его кто-то ждал. Ульяна не спешила заходить в магазин, притворялась, что шарит по карманам в поисках мелочи. Парень забросил пакет в салон, а прежде чем усесться самому, смерил девушку долгим взглядом. Машина зафыркала, затарахтела, подалась к дороге. Ульяна облегченно вздохнула. Почему она так разнервничалась? Обычный парень, ехал из города в родную деревню. Все они такие, комплексов не ведают, смотрят одинаково – что на емкость с самогоном, что на симпатичную девушку. В Черемшаниках его кто-то встретил, повез в родную деревню. В Броды, например. Или куда там еще... в Улымжарово? На мимолетный инцидент у магазина никто из товарищей внимания не обратил. Рогачева стучалась в окошко и продолжала требовать внимания к своей персоне. Остальные теснились у машины. На Ульяну никто не смотрел – даже Олежа, увлеченный болтовней с Райдером.

Она толкнула дверь и вошла в магазин. Помещение было скромным, выбор товара оставлял желать лучшего, но бутылка «Карачинской» в ассортименте нашлась. Ульяна положила на прилавок мелочь. Появилась продавщица – полная, хромающая, радикально окрашенная. На висках, где смылась краска, поблескивала седина.

– Ой, девушка, спасибо, что без сдачи, – обрадовалась работница торговли, сгребая мелочь в ладонь. – Приходите еще, всегда рады. Ассортимент у нас, конечно, бедненький, но хлеб всегда свежий – с Каргалакского ХБК привозят.

– Спасибо, – поблагодарила Ульяна, обняла минералку и побрела к выходу.

– Вы из города? – спросила продавщица в спину.

– Угу, – она кивнула и обернулась, вяло улыбнувшись. Можно подумать, не видно. Продавщица пристально смотрела в окно, где открывался вид на заправку и кучку представителей «подросшего поколения».

– Далеко направляетесь? Извините, девушка, что интересуюсь, просто впервые вижу такую компанию в нашей местности. Ума не приложу, что вас могло сюда привести.

– Отдыхаем просто, – пожала плечами Ульяна. – Хотим вот в Распады съездить.

– Куда?!!

Разительная метаморфоза не осталась незамеченной. Еще мгновение назад продавщица виновато улыбалась, а сейчас улыбка стерлась со стареющего лица, оно немного побледнело, обрело растерянность.

– Простите, девушка, я, кажется, не расслышала...

– В Распады, – повторила, сглотнув, Ульяна. – А что?

– А зачем вам... туда? – даже голос у продавщицы сделался другим – надломился, заскрипел.

И снова пересохло в горле. Шевельнулось что-то под сердцем, сдавило грудь. Не часто ли это происходит в последнее время? Ульяна замялась:

– Да просто... Мы слышали, там когда-то жили старoverы, хотели посмотреть... – не рассказывать же этой женщине о глупом пари на пьяную голову, когда на кону сто тысяч рублей, которые есть только у Руслана, да и тот никогда не сознается!

Продавщица пытливо смотрела ей в глаза – ей, видимо, было что сказать, но она воздерживалась. Она буквально поела Ульяну глазами – смотрела и с жалостью, и со страхом, с каким-то необъяснимым внутренним трепетом.

– Что-то не так? – пробормотала Ульяна, машинально скручивая пробку с приобретенной бутылки.

– Вам не стоит этого делать, – продавщица понизила голос. – Идите скажите вашим друзьям, чтобы поворачивали обратно. Можете доехать до Бродов, до Улымжарово, а от развилки поворачивайте только налево, на запад. Направо ехать нельзя, ни в коем случае не суйтесь в скалы перед Распадами – там дорога обрывается, мимо вы никак не проедете... Послушайте моего совета, девушка, не делайте этого...

– Почему? – пробормотала Ульяна, – Там... радиация?

– Почему радиация? – наморщила лоб продавщица. – Какая радиация? Ничего такого не знаю... Просто не суйтесь в те места, если не хотите, чтобы с вами случилась какая-нибудь неприятность. Это не самое удачное место для прогулок, я не шучу, девушка, вы сами не понимаете, во что ввязываетесь...

Продавщица порывалась сообщить что-то еще, и, возможно, Ульяне удалось бы развесть ее на правду. Но тело покрылось инеем, тысячи иголок впились в кожу. Она механически отхлебнула из бутылки, чтобы промочить горло. А потом какая-то сила непонятого происхождения вцепилась ей в ноги и потащила из магазина, в котором стало душно. Рогачева в соблазнительной позе приплясывала у заправочной колонки, рычала, что она сейчас от злости на куски развалится. В честь чего она должна обслуживать дармоедов, которые только и умеют зубоскалить и потреблять спиртосодержащие напитки?! Пусть знают, что, если у нее доброе сердце, это не значит, что она не может дать в репу тому, кто первым съязвит!

– Продавщица говорит, что в Распады нам ехать нельзя, – неуверенно отчиталась Ульяна. А когда все с интересом на нее уставились, развила тему, хотя по сути ничего информативного не сказала.

– Причина? – не понял Райдер. – Покусают, что ли? Уточните, пожалуйста, почему нельзя, в каком именно плане нельзя? Если имеется в виду радиация, то я не поленился, взял дозиметр. Если в урочище переизбыток рентген, то, понятное дело, мы туда не сунемся.

– Очередная местная страшилка? – возбудился Артем. – Ну наконец-то, а то Голливуд уже достал. Ох, как я это люблю... – у Артема заблестели глаза.

– Не бойся, милая, я от тебя не отойду, всегда буду рядом, – сочувственно сказал Олег, обнимая Ульяну.

– Ну да, – хмыкнула Алла, критически обозревая их обоих. – Пока смерть или еще какая-нибудь фигня не разлучит вас...

– Крымова может, конечно, не ехать, – осклабился Руслан. – Пусть посидит в этой деревеньке, на обратном пути мы ее заберем. Ты, кстати, в курсе, Ульяна, что это стоит сто тысяч деревянных?

– А ну не пугай девушку, – отрезала Рогачева, с грохотом вставляя заправочный пистолет в колонку. – Ульяна, ты в натуре сегодня испуганная, – подметила Рогачева, сооружая скептическую мордашку. – Вроде суевериями не страдаешь, на пустом месте никогда не тряслась... Может, я чего-то не понимаю и что-то происходит? – Она одернула курточку и обвела недобрым взглядом всех присутствующих. – Знаете, люди, меня нешуточно бесит, когда я чего-то не понимаю.

– Солидарен с тобой, любимая, – кивнул Артем. – Меня тоже бесит, когда ты чего-то не понимаешь. Все пучком, чего вы?

– Ну почему же, – хитроумно прищурился Борька Поплавский. – Местечко Распады – это именно то, о чем я говорил. Тайнственные сверхъестественные силы, злобный мистический ореол, и разлагающий негатив забирается в душу, парализуя тело и волю... – он смастерил злобную мину и так при этом старался, что покраснела лысина, усы встали дыбом, как у наэлектризованного кота.

– Да идите вы к черту, – облегченно вздохнула Алла и помотала головой, словно стряхивала с ушей прилипшие макароны. – Хватит уже прикалываться, давайте поедем?

Ульяна уныло констатировала, что этим людям все трын-трава и море давно по колено. Они изрядно приняли – пьяными не были, но чувство самосохранения притупилось. Тянуло на поступки, на кураж, никто не хотел казаться трусом. Рычал мотор, люди забирались в салон. Покрикивала Рогачева: а ну не копать, братья и сестры во Христе, пороть вас некому! Только Генка Аракчеев, как подметила Ульяна, вдруг повел себя немного странно. Вместо того чтобы хохмить и зубоскалить в первых рядах, он сделался непривычно задумчивым. Украдкой косился в ее сторону, жевал губами. Было заметно, что Генка не прочь съязвить, но что-то его останавливает. Дураком он не был, хотя и предпочитал прятаться от тягот судьбы под маской шута. Снова микроавтобус трясся по «направлениям» сельской местности, неуклонно превращающимся в бездорожье. Проплывали мрачные осинники, заваленные буреломом, щетинились кусты. Облака на небе уплотнились, наезжали друг на друга, словно сдавленные гигантским насосом. Угрюмость обстановки передавалась путешественникам – все вдруг заскучали, пропало желание пить, даже шутили с натугой. «А ты ведь по-прежнему можешь выйти, поймать попутку и вернуться в город, – подумала Ульяна, провожая глазами встречную карака-тицу, груженную мешками. – Неужели будут требовать с тебя сто тысяч? И даже Олежка?» Она вздрогнула – Олежка Брянцев пристально смотрел ей в глаза и, кажется, догадывался, что происходит у нее на душе. Можно было не сомневаться – он не допустит проявления слабости. К тому же ехать-то осталось...

Она очнулась через полчаса – черт возьми, снова задремала! Рогачевой надоело плестись, и она давала резкий вираж, следуя вкрадчивому голосу из навигатора. «В сущности, бред, – лениво подумала Ульяна. – Каким образом можно было проложить эту дорогу в GPS, если этих дорог и на карте-то нет? Или есть – в наше смутное, измененное тотальным прогрессом время? Развилка!»

Она опять вздрогнула и стала покрываться мурашками. Продавщица на заправке упомянула развилку за Бродами и Улымжарово. Можно только налево, на запад. Направо ни в коем случае нельзя... Рогачева, злобно мурлыча под нос, повернула направо! Машина въезжала в темный осиново-еловый лес. Деревья почернели от старости, молодняка здесь практически не было. На опушках и вдоль обочин топорщились заросли неряшливого папоротника. Дорога превратилась в непролазную колею, заросшую сорной травой. Машину подбрасывало, люди держались за выступающие части салона.

– Вижу грибника, – объявила Рогачева.

– Тормози, – встрепенулся Генка. – Спросим, далеко ли до Распадов. Пусть сориентирует – а то этой тетке в коробке я уже не верю. И по нужде давно пора – пиво, между прочим, погулять хочет...

– Почему это мы должны опорожняться рядом с грибником? – возмутилась Алла.

– А рядом с нами, значит, можно? – бескультурно хрюкнул Артем.

На опушке перед лесом действительно копошился пожилой мужчина в засаленной штормовке. Он сидел на корточках и отправлял в плетеную корзинку срезанные грибы с красноватыми шляпками. Машина притормаживала. Мужчина покосился из-за плеча – судя по сухому морщинистому лицу, он вышел на пенсию еще во времена развитого социализма.

– Мухоморы, что ли, собирает? – озадачился Руслан.

– Сам ты мухомор, – вырвалось у Ульяны. – Обычные подосиновики...

Генка вывалился из машины, побрел в кусты, проваливаясь в мох. Остальные не рискнули выходить, настороженно озирались. Окно со стороны водителя было открыто. Ветер завывал порывами, теребил листву деревьев на обочинах. Что-то монотонно постукивало в лесу, встревоженно чирикали птицы. Как-то съежилась за рулем Рогачева, исподлобья глядела по сторонам. Олег машинально отыскал руку Ульяны, сжал ее, словно она уже срывалась с высокого старта. Грибник повернулся к дороге спиной, переместился на другую сторону кустарника и завозился в траве.

– Ну и в глухомань мы забрались... – обобщил всеобщее настроение Райдер и с усилием проглотил слюну. – А ведь еще обратно через эту целину ехать...

– Обратная дорога короче, – усмехнулся Артем и вздрогнул, когда на опушке между ветками забила крупная птица, тревожа листву.

– Назад не придется... – пробормотал Борька со зловещим придыханием, за что и получил от Аллы кулачком под ребро.

Через минуту из кустов вывалился Генка. Он подтягивал штаны и что-то жевал. Поначалу он направился к машине, потом передумал, зашагал к грибнику и начал у него что-то выпрашивать. Мужчина оторвался от своего собирательства, поднял голову. С дороги плохо просматривалось его лицо – вуалировали ветки. Генка проторчал с ним довольно долго – что-то спрашивал, выслушивал ответы. Поначалу он был подчеркнута вежлив, изобразил неуместный в глубинке жест «вай». Потом поскуучнел, сделался каким-то землистым. Он хмуро внимал, явно не пребывая в восторге от адресованной ему тирады. Потом что-то бросил, неуверенно улыбувшись, еще немного послушал и побрел прочь, пребывая в нехарактерной задумчивости. Абориген проводил его долгим взглядом, покачал головой и на корточках сместился к соседнему кусту – похоже, благородные грибы в этой местности росли друг на дружке. Генка пребывал в такой задумчивости, что забыл, куда направлялся. Сделал несколько шагов, очнулся, повертел головой и потащился к микроавтобусу.

– Старичок открыл тебе страшную тайну? – осторожно осведомился Семен, когда Генка забрался в салон.

– Что? – Генка вернулся в чувство и как-то со скепсисом почесал оттопыренное ухо.

– Что слышал, – ухмыльнулся Борька. – Колись – старичок-боровичок подтвердил тебе всю достоверность озвученной мной информации? Мы едем туда, откуда живыми не возвращаются?

– Да идите вы, – отмахнулся Генка и немного покраснел. – Все нормально. До Распадов верст шесть – не ошибемся, если поедем по этой дороге. Старичок пришел из Улымжарово – мы мимо проезжали. Кормится тем, что собирает в лесу. Отвозит грибы в Каргалак и продает в базарный день. В Распады он никогда не ходил, молва об этой местности гуляет недобрая. Но чтобы какие-то ужасы... такого он не слышал, – Генка немного смутился, устроился на свое место и отвернулся к окну.

В конце пути народ опять разговорился – натужно, через неохоту, но вроде оживились. Пейзаж мрачнел с каждой верстой. Угрюмые осинники теперь чередовались с нагромождениями скальных пород. Временами леса отступали и местность принимала такой вид, словно ее утюжили бомбардировщики. Дорога тоже была не лучше – Артем удачно пошутил: такое ощущение, что еще Ермак ее топтал, а после него никто. Внезапно обнаружили, что параллельно заросшей чертополохом грунтовке тянется бетонная дорога – вернее, остатки бетонной дороги. Плиты давно раскрошились, разъехались, во многих местах дорожное полотно просело, превратилось в вереницу впадин и перегибов – и почти на всем протяжении поросло бурной флорой. Информация подтверждалась – здесь когда-то находилась воинская часть. Проплывали разрушенные бараки, покосившееся здание гарнизонного клуба – оно наполовину вросло в землю, а то, что осталось над поверхностью, превратилось в какую-то страшноватую клумбу. Проплыла баскетбольная площадка, на ней сохранился единственный щит на столбе с проржавевшим кольцом. Здания с пустыми глазами остались в стороне – они удалялись, люди смотрели на них как замороженные. Между скалами оставалось единственное место для проезда, и голос в навигаторе настойчиво уверял, что нужно ехать именно сюда, никуда не сворачивая, а через двести метров будет то, к чему стремились. Свернуть тут, в принципе, было некуда. Люди молчали, исполняя какого-то трепетного пиетета. Даже Рогачева перестала бубнить и лишь сердито пыхла. Сумрачные скалы теснились вдоль изрытых обочин – скособоченные, расколотые, с зубцами и террасами. В окружающем пространстве что-то было не так... Это мог бы отметить даже человек, не обладающий избыточной чувствительностью. Люди напряглись, как-то занервничали. Источник беспокойства носился в воздухе, выползал из черных расщелин в мертвом камне, спускался вместе с полумглой, окутавшей район. Ульяна цепенела – в душу забиралась необъяснимая тревога. Не бывает дыма без огня! Если сказано, что в этой местности что-то есть, значит, что-то есть. Грибник в лесу прочел нравоучение Генке, и продавщица предупреждала весьма недвусмысленно. Олежа тяжело вздохнул, растерянно покопился на подружку.

– Ты чего? – прошептала Ульяна, находя его руку.

– Не знаю, – Олег немного побледнел, пожал плечами. – Грудь сдавило как-то... Да нет, все нормально, сейчас отпустит...

– Начинается чертовщина... – скупо прокомментировал Борька. Он уже не улыбался. Подрагивала жилка на виске, и кончики усов подозрительно шевелились.

Генка Аракчеев вдруг состроил недоуменный лик и начал хлопать себя по ушам. Потом уставился на людей, объяснил как мог:

– Вечерний звон, чего смотрите... В ушах зазвенело, ничего не слышу... Хотя нет, уже слышу... Вы что-то говорили, нет?

Все молчали. Генка ступешался, начал растирать правое ухо, которое мгновенно превратилось в румяный пельмень. Алла молчала, хмуро смотрела на подругу, забыв про своего Руслана, который вдруг начал елозить по сиденью, хмуриться, а потом изрек ни к селу ни к городу:

– Мало выпили...

– Так в чем проблема? – оживился Артем и начал рыться в рюкзаке, хотя то, что он искал («ноль-пять», от ведущих производителей ликеро-водочной продукции), лежало на самом верху.

Семен Райдер одной рукой тоже зарылся в баул, другой придерживал очки, спадающие с носа. Извлек прибор в коричневом футляре, протер его рукавом, стал вертеть ручки.

– Получается? – вытянул шею Генка.

– Получается, получается, убери свой нос... – бормотал Семен, справился с прибором и вынес непреложный вердикт: – Сорок пять микрорентген в час.

– М-м... – как-то неопределенно замычала Алла. – А норма какая? Что-то мне уже страшно...

– Кажется, двадцать? – предположил Олег.

– Сорок пять – нормально, – успокоил Райдер. – Данная норма может быть превышена в десятки раз без всякого вреда для здоровья... – он замолчал, уставился на мутный экран. – Уже пятьдесят... пятьдесят пять... Все, кажется, устаканилось. Фигня, народ, – он опасливо покосился за окно, мимо которого проплывала монолитная скала, похожая на спящего тролля. – Это не радиация, здесь все быльем поросло, всего лишь небольшой фон...

– Это что-то другое, – с натугой вымолвил Борька и заткнулся, когда все на него воззрились как на главного идиота.

– Послушайте, люди, – не выдержала Ульяна, – вы что, мазохисты? Получаете удовольствие от процесса? Давайте поедем обратно, не будем портить себе день. Пари аннулируем, устроим пикник где-нибудь в дубраве под Каргалаком, искупаемся в озере...

– Я, собственно, поддерживаю, – поднял голову Генка и с надеждой глянул на товарищей. Его небритые щеки покрывались малосимпатичными пятнами. Ульяна поймала себя на мысли, что только Генка знает, что на самом деле сообщил ему грибник. И, судя по физиономии, эта информация была не самым радужным посланием. Озвучивать ее Генка не спешил, резонно полагая, что его высмеют и это все равно ничего не решало. Что и подтвердили дальнейшие слова Борьки:

– Уж извиняйте, леди и джентльмены, пари есть пари, мы же люди слова, разве нет? Восьмеро из нас могут прийти к такой же мысли, что Ульяна, и это ничего не изменит, если девятый против. Пройдем до конца этот путь, раз взялись.

– Сволочь ты, Борька, – сокрушенно вздохнул Аракчеев. – Воспользовался тем, что мы слабы на алкоголь. Вот только непонятно, зачем тебе это надо?

– Вы совсем-то с ума не сходите, – фыркнул Руслан. – Сверхъестественные явления существуют исключительно в умах людей – заверяю вас с полной ответственностью. Сами накрутили себя – а теперь дышим как на последнем издыхании...

Ульяна съежилась – похоже, ей раньше прочих сделалось по-настоящему страшно. Рогачева вдруг чертыхнулась и резко затормозила. Народ недовольно зароптал – не хрусталь, понятное дело, везем, но, в общем-то, и не дрова...

– Прибыли, горе-странники, – поставила в известность Рогачева. – Полюбуйтесь, если не верите. Еще немного – и скопытились бы к той бабушке. Вытряхивайтесь, пожалуйста...

Дорога обрывалась. Узкое пространство между нависающими скалами пересекала трещина глубиной в человеческий рост. Между каменными глыбами угрожающе завывал ветер, проникал в салон сквозь открытое окно. Было темно, как в сумерках, хотя часы показывали всего лишь начало второго дня. Люди зашевелились, стали вставать, мешая друг другу.

– Вещи берем? – как-то глупо поинтересовался Артем.

– Бери, – отрубил Борис. – На первые три дня, а потом уже не понадобится, – и похабно гоготнул, за что едва не получил по шее. – Не, мужики, в натуре, много вещей брать не надо. Продукты и бухло оставим, коптильню я тоже, пожалуй, не поташу...

Люди выбирались из машины, со скепсисом озирались. Держались все вместе, разбредались никому не хотелось. Застегивали куртки, натягивали кепки и бейсболки. Их окружало серое каменное царство. Облака примерно той же свинцовой колеровки барражировали небо – степенно, с достоинством. Дождевых туч пока не наблюдалось, только ветер посвистывал, забираясь за воротник. В округе, помимо компании молодежи, не было ни одной живой души.

– Ну, с богом, смертники, – пробормотал Борис и первым отправился форсировать разлом. Он спрыгнул вниз, повозился среди известняковых огрызков и начал выбираться по крутому склону на противоположную сторону. Затем спустился Артем, помог слезть женщинам. Ульяна ойкнула, когда камень в откосе, на который она случайно наступила, вдруг качнулся. Слетела вниз – Олежка издал протестующий возглас, – но Артем успел ее поймать.

– Остерегайтесь работающих механизмов, – хмыкнул Генка, хватая за хлястик Райдера, который собрался наступить на те же грабли. – Офигеть, народ, – пожаловался Генка, осторожно спускаясь вниз. – Всю жизнь считал, что усложнять жизнь надо другим, а не себе. Устроили прогулку выходного дня... Вам не кажется, что мы успешно совмещаем бесполезное с неприятным?

– Заткнись, – пробормотал Руслан, помогая спуститься Алле. – Ты умаляешь наш боевой дух, от него и так ничего не осталось.

– Вы чего там тащитесь как галапагосские черепахи? – ворчала в спину Рогачева. – Живее, мужчины, живее. Становой, твою мать, ты не хочешь подать своей единственной даме руку?

Группа людей перебралась через провал, проклиная все «большие каньоны» мира, потащились дальше. Шли действительно медленно, вперед никто не рвался. Проход загромождали каменные обломки, кое-где пучками пробивалась трава. Люди поднимали головы, обозревали гребни нелюдимых скал. Дружно вздрогнули, когда с одного из зубцов, грузно махая крыльями, взлетела ворона, покружила несколько мгновений и ушла за грань.

– И как наше любопытство? – снова не выдержала Ульяна.

– Уселось и сидит, – проворчал Райдер, вытаскивая из сумки свой дозиметр «Сосна». – Куда бы оно делось... О, отлично, – сказал он не совсем уверенно, покрутив ручку настройки. – Всего каких-то шестьдесят пять микрорентген. Фигня.

– Дети-то у нас после этого будут? – встревожился Артем.

– Дети будут, – заверил Генка, – но импотентом станешь.

Переругиваться как-то не хотелось. Воцарилось неловкое молчание, только камешки поскрипывали под ногами. Попадались сухие ветки, целые стволы поваленных с круч криворукых деревьев. Забрел просвет в каменном царстве. Скалы расступались, образуя причудливые, распахнутые настежь ворота. Создавалось ощущение, что впереди поджидает гигантская пропасть. Край обрыва с невидимой стороны облизывали клочья тумана, похожие на завихрения дыма, – оставалось лишь гадать, откуда здесь туман. Ульяна затаила дыхание, на мгновение показалось, что любой шагнувший за край окажется в другом мире, пропадет, туда идти нельзя... Но тут разворчался Борька, начал жаловаться, как ему надоели эти черепахи перемещения, вырвался вперед, пропал из виду... И через минуту уже язвил из «пропасти» – мол, сколько можно ждать? Трус не играет в хоккей и не может оторваться от машины на сто метров?

Люди скинули оцепенение, устыдились, побрели в разверзшийся «параллельный мир»...

На самом деле ничего сверхъестественного за «воротами» не происходило. Люди перебирались через покатый косогор, заросший самой заурядной травой, спускались вниз, внимательно глядя под ноги. И все же было что-то необычное в представшей картине. Видимо, нечто

подобное и называется «урочище» – обособленный участок местности, в корне отличный от окружающего ландшафта. Скалы напоминали умирающих чудовищ. Они высились в хаотичном беспорядке. Дорога спускалась вниз, покатые участки чередовались с обрывистыми. Глинистая почва под ногами растрескалась, то вздымалась, то пропадала в ямах, повсюду пестрели кочки и камни. То, что много лет назад называлось дорогой, погружалось в котловину. Перспектива пока не просматривалась, по фронту клубилась серая муть. Половину обзора закрывали скалы. Ульяна шла, прижавшись плечом к Олегу, пыталась собраться и проанализировать свои ощущения. То, что в этой местности чувствуешь беспричинную тревогу, Борька не приукрасил. Мурашки расплзались по коже, требовались решительные команды из мозга, чтобы управлять ногами. Имелось ли тому рациональное объяснение? Да сколько угодно. Борька заранее подготовил, нагнал страха, вот и мерещится всякая чертовщина. Да и обстановка предельно мрачная, нелюдимая, бывают же такие местечки в депрессивных районах родной области...

Ощущения усложнялись, воздух делался другим – тяжелым, каким-то плотным, в нем присутствовали нотки гниения, и с каждой минутой они становились сильнее. Внезапно дошло, что пропал ветер. Наверху он завывал, метался по расщелинам, гудел в пустотах, а только начали спускаться в котловину, как настала тишина...

Захлопали крылья, покатился камень с кручи – все вздрогнули, сдавленно ойкнула Рогачева. Еще одна черная птица – ворона, но какая-то неправдоподобно откормленная (чем они тут питаются?) – сорвалась со скалы, грузно хлопая крыльями, и подалась за кручу. Осколок, отколовшийся от камня, допрыгал до подножия монолита, выкатился на тропу и замер. Попятился побледневший Руслан. «Сказки какие-то, – успела подумать Ульяна. – Птица, конечно, крупная, но чтобы отколоть камень от скалы...» Испуганно закричал Руслан – он не заметил, как ушел за пределы тропы, под ногой что-то просело, возникло кратковременное чувство невесомости... а потом было очень больно. Под парнем разверзлась пустота, замаскированная клочками травы. Когда люди опомнились и бросились его выручать, Руслан копошился среди извилистых корней, ругался, как потомственный грузчик, брызгал слюной. Он испачкался как поросенок, оцарапал щеку, но вроде ничего не сломал. Его вытаскивали за руки, он выл от боли – ступню заклинило в перехлестах корней.

– Не тащите, больно... – хрипел он. – Что вы делаете, уроды...

Алла прыгала вокруг него, ощупывала ногу. Руслан больше испугался, чем пострадал, злобно фыркал, вздрагивал. Остальные тоже испугались.

– Больше так не делай, – рассудительно изрек Олег. – Нам потери не нужны.

– Воздух какая-то зараза испортила... – скривился Артем и попятился. – Признавайтесь, кто пустил газовоздушную смесь?

– И кто, интересно? – ухмыльнулся Генка, за что едва не получил от Руслана, который налился бешенством и готов был заниматься рукоприкладством.

С этой минуты Руслан был зол, как барракуда. Он еле тащился, подволакивая ногу, ворчал под нос, утирал кулаком грязь и кровь с лица. Алла вертелась с платком вокруг него, но он лишь раздраженно отмахивался. Местность менялась, причем не самым располагающим образом. Прошла минута, развеялась дымка, оборвались скалы. Вся компания мялась в нерешительности на краю вытянутой котловины. Метрах в трехстах на восток проявлялись очертания бревенчатых строений. Большинство построек были разрушены, сгнили, почернели от старости. Просевшие крыши поросли бурьяном, фундаменты провалились в землю. Деревенка была небольшой, но компактной, ее пересекала широкая улица, по которой в данный момент смог бы проехать только вездеход. Все это смотрелось нереально, словно декорации. Мертвая деревня плавала в дымке, рябила. Мерцал и словно покачивался сохранившийся дымоход над распавшейся крышей. В стороне просматривались длинные амбары. В один из них, похоже, ударила молния – он практически весь сгорел, сохранилась часть стены, из которой торчали

разлохмаченные доски. С двух сторон котловину окружали леса, с остальных – скалы. От плотного леса на обратной стороне котловины за версту несло унынием – похоже, там распростерлись болота. Слева от деревни – немного к западу – простирался пустырь, в котором, если присмотреться, угадывалось заброшенное кладбище. В месиве бугров, бурелома выделялись холмики, заросшие травой, сгнившие кресты. За погостом начинался лес – приземистые корявые деревья по террасам карабкались в гору. А перед кладбищем с левой стороны – между деревней и мнущимися на пригорке людьми – распростерлось озеро ломаной конфигурации. Или даже пруд, судя по небольшой акватории. Это был довольно странный водоем. По серой глади расплзалась мелкая рябь, несмотря на то что царило безветрие. Берега с глинистыми обрывами, пучки камышей, заросли осоки. Прибрежные воды обросли тиной и ряской. Но странность заключалась не в этом. Над поверхностью воды струились завихрения желтоватого тумана – не самое подходящее явление для текущего времени суток. Слово черви вились в клубке, сплетались, расходились. Откуда брался этот туман, казалось загадкой – такое ощущение, будто он выбирался из воды где-то в центре озера. Серо-желтая муть причудливых очертаний ползла по воде, перебиралась на сушу. Завихрения струились там, где была дорога, отдельные ее участки терялись в дымке – расплзались дальше. Туман густел в низинах и впадинах, окружал деревню разорванными клочьями, стелился над землей толстым слоем. В отдельных местах его было чересчур много, в других не было вовсе. Он смотрелся, мягко говоря, недружественно. Ульяна наблюдала за его волнообразными перемещениями и чувствовала, как в горле начинает першить...

– Может, обратно пойдём? – завела старую песню Ульяна. Ее уже доканывала эта дурацкая неопределенность и непонимание окружающих.

– Вот заладила... – пробормотал присмиривший Борька. Он оглянулся, скользнул взглядом по Ульяне, по кому-то еще (она не поняла по кому). В глазах Борьки мелькнула растерянность – словно этот присутствующий его чем-то озадачил. Он помялся, уставившись в землю. Возникло чувство, что он хочет выдать что-то новенькое. Но Борька снова «взялся за старенькое»: – Ну что, еще постоим? Или, может, пойдём уже?

– Жутковато здесь, – неохотно признался Генка, поведив плечами. – Аж шерсть дыбом... То ли аура тут какая-то ненормальная, энергетика отрицательная или что... но у меня уже подмышки потеют...

– Все правильно, – пробормотал Семен. – Страх – базовая эмоция человека...

«Отрицательно окрашенный эмоциональный процесс», – мысленно добавила Ульяна.

– Это у Руслана энергетика отрицательная, – натужно хохотнул Олег, похлопав по плечу злобно сопящего Трушечкина. – А вокруг нас самая обыкновенная местность, на которой в далеком прошлом зверствовала радиация... Не волнуйтесь, в мутантов не превратимся. Генка, ты что такой надутый? – Олечка с усилием улыбнулся. – Твоя миссия на Земле подходит к концу? А ты что скажешь, умник? – повернулся он к насупленному Райдеру.

– Не определился, – проворчал Семен. Он напрягал зрение, надувая от усердия щеки, вдумчиво сканировал окружающую местность. – Шестьдесят пять микрорентген, ребята, – это, конечно, не озон... но рискнуть можно.

– Не видно что-то комитета по встрече, – сумничал Артем.

– Сплюнь, – проворчал Руслан.

– Ну и картинка, ну и ну... – прошептала Алла. – Смотришь, и мороз по коже... Выглядит так, будто здесь кино снимали... когда-то давно...

– Какого жанра? – встрепенулся Генка.

– А ты догадайся, – ухмыльнулась Рогачева.

– Смотрите, – вытянул палец Борис. – В центре деревни что-то вроде пустыря, там большая изба, она как будто сохранилась. Дойдем посмотрим, что за декорация. Если все в порядке, разобьем лагерь, сбегает за продуктами, за коптильней, посидим как белые люди...

– Ну уж увольте, – передернула плечами Алла. – Я в этом славном местечке веселиться не буду, сами веселитесь, я лучше в машине посижу...

– Расшифруй, пожалуйста, Борька, – пробормотала Рогачева. И все обратили внимание, что у нее посинели губы, – что означает это твое «если все в порядке»? – сделала паузу, ответа не дождалась, уточнила – словно прокаркала: – Что-то происходит, нет?

Это было форменное безумие. Страх забирался под кожу, овладевал мозгами, но люди упрямо брели вперед, сокращая расстояние до деревни. Все невольно сбились в кучку. А Борька Поплавский, еще недавно уверенно возглавлявший шествие, вдруг оказался сзади. Он больше не прикалывался, много думал. Ульяна не могла избавиться от чувства, что он рвется поговорить с кем-то из присутствующих, но не решается или боится это делать при всех. Люди медленно спускались с пригорка, обходили разбросанные глиняные валуны, хрустели сухими сучьями, которые в великом множестве валялись под ногами. Ульяна раздражалась – они нарочно еле шевелят ногами? Куда уж проще – бодрым марш-броском пересечь деревню, убедиться, что все в порядке, и успокоиться. Но быстрее не получалось – ноги делались ватными, спотыкались о преграды. Недобрые миазмы кишели над головами, щипали нервы. Олечка спотыкался рядом, поначалу посвистывал с независимым видом, потом замолк. Рябящая дымка штриховала плотный воздух. Деревня выплывала из сизой хмари, кучка заброшенных строе- ний обретала резкость. Все застыло, только вороны на поваленном плетне вокруг разваливше- гося амбара вертели головами и молча разевали клювы. Ощущение мрачной сказки усилива- лось. Еще и этот проклятый туман...

Подобного быть не могло, это, видимо, так совпало. Туман – субстанция не живая. Но по мере приближения людей к деревне он вдруг начал активизироваться, делался гуще, объ- емнее. Он полз от приозерных камышей, накапливался в канавах. Туман имел неприятный бледно-желтый оттенок. Завихрения переплетались, образовывали рыхлые комки, связки, рас- плетались, словно клубки ниток. Это выглядело причудливо и не очень жизнеутверждающе. Люди, затаив дыхание, входили в туман, прекращали разговаривать. Пока он только струился по земле через дорогу, не поднимался выше колен. По нему брели как по киселю, затыкали носы – запах гниения делался отчетливее. Оглянувшись, Ульяна обнаружила, что за спиной уже стоит стена палевой дымки – туман поднимался, перекрывал им дорогу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.